

СМЕРТЬ ПОЭТА. Он обречен на бессмертие

В Нью-Йорке скончался один из крупнейших поэтов современности - Иосиф Бродский. Его изгнали из СССР в 1972 г., после чего его имя на долгие годы окутала пелена молчания. Ее не приподняло даже присуждение Бродскому Нобелевской премии по литературе за 1987 г.

В редакции "Аргументов и фактов" помнят, как цензура приостановила тираж нашей газеты из-за материала о его награждении, а главный редактор получил в ЦК очередной "втык" за "политическую близорукость".

О жизни и творчестве Иосифа Бродского, о последних годах его жизни рассказывают материалы, подготовленные в Москве и Нью-Йорке.

ПЕТР ВАЙЛЬ, писатель (из Праги по телефону):

- Можно сказать, что со смертью Бродского закончилась временная эпоха и началось безвременье. Бродский каким-то образом структурировал время, был его стержнем. Хотя он и возражал против назначения одного поэта - поэтом эпохи (он был против даже "эпохи Пушкина", вспоминая Вяземского, Баратынского, Катенина, которых ставил не ниже Пушкина), но мне было понятно, что в последние три десятка лет никого нельзя было поставить с ним рядом.

Теперь его нет, и это ужасно, потому что он умер в колоссальном расцвете сил. Я могу об этом судить, потому что мы часто перезванивались, он читал свои новые стихи, а в последнее время он поставил факс и посылал их факсом...

Он был уникальным поэтом. Если составить график его творческого развития, это будет идеально ровная прямая, направленная вверх. И то, что он больше "не производит текстов", если можно так выразиться, на долгое время собьет наш литературный процесс. Не литературу как собрание неких текстов, а именно развитие литературного процесса.

Думаю, что его человеческая (не поэтическая) судьба была в последнее время благосклонна к нему и он нашел душевное успокоение.

Я сблизился с Иосифом в последние три года. Его старые друзья и знакомые, его петербургские друзья вспоминают, что в те времена он был нетерпим, дерзок, мог обижать людей. Но я знал другого человека - очень мягкого, доброжелательного. Конечно, его брак с Марией был необыкновенно счастливым браком, его дочь Анна, Нюша, которой сейчас два с половиной года, которую он обожал и от которой получил свою порцию счастья, - все это, безусловно, имело свое значение. Но было и другое - он стал человеком мудрым. И это не влияние лет - что-то я не видел, чтобы люди с годами становились мудрее...

Для него двухязыковая среда - была естественной. Он, говоря об этом, вспоминал Россию девятнадцатого века. Важны для него были две страны - Италия и Соединенные Штаты. В Россию он не приезжал не из-за обиды, он говорил о том, что не мог бы приехать и уехать - это не подходит. Если приехать, то нужно снова делить ее судьбу и оставаться. А это было достаточно трудно сделать, поскольку этому уже препятствовали его жизненные обстоятельства. Если бы он приехал, его ждала бы бурная встреча и большое волнение. Он не мог этого не опасаться, у него был не один инфаркт. Но это всего лишь моя догадка, может быть, основанная на каких-то его словах, но догадка...

ТАТЬЯНА БЕК, поэт:

- Я считаю, что это был величайший поэт нынешнего дня. С его уходом происходит "конец прекрасной

эпохи". Зная, что на земном шаре живет Бродский, было легче и значительнее жить и было стыдно писать плохо.

В прошлом году в Нью-Йорке я ходила на вечер Бродского. Меня поразило его несовпадение с залом. Ответы на вопросы зрителей были трагичны, а люди невпопад смеялись... Несколько раз он даже сказал: "По-моему, я не говорю ничего смешного". Но были и хорошие, настоящие вопросы, например, не губителен ли для поэта разрыв с языковой средой. На это он ответил, что именно в эмиграции он остался тет-а-тет с языком... В Вене, в первый день эмиграции, его охватила паника, когда он не смог найти рифму к какому-то слову, но на второй день рифма нашлась, барьер был преодолен. Еще он упомянул о том, что преподавание - это редкая возможность говорить на темы, которые его волнуют. Очевидно, ему не хватало все же русской литературной среды, общения. На вопрос, почему он не хочет вернуться на родину и тем самым повторить судьбу Цветаевой и Солженицына, он ответил, что не хотел бы повторить судьбу Цветаевой, а Солженицын ему не так близок, чтобы мечтать повторить его судьбу. И что его жизнь - это его жизнь, а не жизнь литературных традиций.

Подготовила Лариса ВИННИК.